

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ
БЕЛОРУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
МИНСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

На правах рукописи
УДК 172.3

РЯБОКОНЬ
ВАЛЕРИЙ ВИКТОРОВИЧ, ПРОТОИЕРЕЙ

**СМОЛЕНСКАЯ ГУБЕРНИЯ И ЗАПАДНАЯ ОБЛАСТЬ В УСЛОВИЯХ
АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА
(1925–1930)**

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата богословия

по специальности Б 03 06 «История Русской Православной Церкви»

Минск, 2023

Работа выполнена в РО «Минская духовная академия Белорусской Православной Церкви».

Научный руководитель: **Теплова Валентина Анатольевна,**
кандидат исторических наук, профессор и заведующий кафедрой церковной истории и церковно-практических дисциплин Минской духовной академии.

Официальные оппоненты: **Маслова Ирина Ивановна,**
доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры церковной истории и философии РО – ДООВО «Пензенская духовная семинария», заведующий кафедрой «Кадастр недвижимости и права» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет архитектуры и строительства»

Свирид Александр Николаевич,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории славянских народов УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина».

Оппонирующая организация: ГУО «Институт теологии имени святых Мефодия и Кирилла» Белорусского государственного университета.

Защита состоится 28 сентября 2023 года в 15.00 ч. на заседании совета по защите кандидатских диссертаций при Минской духовной академии по адресу: 220030, г. Минск, ул. Зыбицкая, д. 27, актовъй зал; тел.: +375 (17) 226–02–69; e-mail: secretariat.minda@yandex.ru

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на официальном сайте Минской духовной академии.

Автореферат разослан « ___ » _____ 2023 г.

Ученый секретарь
совета по защите диссертаций

А. В. Слесарев

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертации. История Русской Православной Церкви XX в. нашла отражение в целом ряде серьезных, глубоких по содержанию исследований, одним из важнейших направлений которых является исследование социально-экономических и политических взаимоотношений Русской Православной Церкви с государственной властью в период становления Советского государства. На важность изучения проблемы церковно-государственных отношений в отечественной истории указывает Постановление Архиерейского собора Русской Православной Церкви от 2 февраля 2011 г. в отношении памяти новомучеников и исповедников. В Постановлении сказано, что задачей современной Церкви является не только процесс канонизации «новомучеников и исповедников»¹, но и сохранение памяти всех репрессированных жертв богоборческой власти.

Данный соборный призыв в церковно-историческом срезе можно воспринимать более масштабно, как необходимость исследования жизни Церкви в эпоху репрессий и гонений. В то время как аспекты государственно-церковных отношений на федеральном уровне довольно хорошо изучены, история церковной жизни на уровне региональном еще ждет своего исследователя. Осмысление трагических страниц в истории Русской Православной Церкви периода 1920–1930-х гг. на уровне региональных исследований подчеркивает специфику и масштабы гонений в отдельных епархиях, требует безоговорочного увековечения памяти пострадавших. Более того, исторический опыт, который Русская Православная Церковь приобрела в годы гонений, может быть полнее и объективнее использован в современной структуре церковно-государственных отношений, в механизме повседневного решения проблем в вероисповедной области.

Особый интерес для исследователей представляют процессы, которые в 1920–1930-е гг. происходили внутри Церкви – изменения как институциональные, так и мировоззренческие. Можно смело утверждать, что лакуны в истории отношений советской власти и Русской Православной Церкви планомерно заполняются. Хотя относиться к оценочным суждениям, предлагаемым в новейших публикациях, можно по-разному. Настоящая работа представляет собой попытку комплексного исследования реализации антирелигиозной политики Советского государства второй половины 20-х гг. XX в. в Смоленской губернии и Западной области.

¹ О мерах по сохранению памяти новомучеников, исповедников и всех невинно от богоборцев в гг. гонений пострадавших. Материалы Архиерейского собора 2011 г. // Патриархия.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.patriarchia.ru/db/text/1400907>. – Дата доступа : 21.09.2020.

Актуальность представленной работы обусловлена состоянием отечественной историографии на настоящий момент. Автор констатирует наличие множества обзорных монографий, посвященных церковно-государственным отношениям в СССР в 1925–1930 гг. Однако, подобная тематика не отражена полноценно в региональном аспекте. В частности, церковно-государственные отношения указанного периода на территории Смоленской губернии и Западной области недостаточно освещены в современной историографии. Многие аспекты вероисповедной политики советской власти в регионах еще ждут своего детального анализа в свете новых документальных материалов. До сих пор остаются влиятельными выводы и заключения, принятые советской историографией, которые игнорировали важнейший пласт архивных материалов. На сегодняшний момент существует возможность, без идеологического давления государственных и общественных структур, отразить социально-историческое течение вероисповедной политики коммунистического режима в 1925–1930 гг. на региональном примере Смоленской губернии и Западной области.

Изучение темы государственно-церковных отношений первой половины XX века – одной из самых драматичных страниц существования Церкви, является актуальной с точки зрения выстраивания диалога государства и Церкви, а также роли Церкви в жизни общества на современном этапе. Этот фактор во многом определяет научно-практическое значение диссертационного исследования.

Тема диссертационного исследования «Смоленская губерния и Западная область в условиях антирелигиозной политики Советского государства (1925–1930)» ограничена территориальными (Смоленская губерния до 1929 г. и Западная область с 1929 г.), хронологическими (вторая половина 20-х гг. XX в.), проблемными (административно-репрессивный и пропагандистский аспекты гонений) рамками.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Связь работы с крупными научными программами (проектами) и темами

Диссертация подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы кафедры церковной истории и церковно-практических дисциплин Минской духовной академии на 2021–2025 гг. по теме «Православная Церковь в истории и культуре Беларуси» (утверждена решением Научно-методического совета Минской духовной академии от 18 сентября 2020 г.).

Цель и задачи исследования

Цель исследования состоит в выявлении содержания и характерных особенностей антирелигиозной политики Советского государства в Смоленской губернии и Западной области во второй половине 20-х гг. XX в.

Для достижения поставленной цели автор сосредоточил внимание на решении следующих **задач**:

1. выявить особенности формирования системы правовых норм, регулирующих антирелигиозную политику и специфику репрессивной модели государственно-церковных отношений и раскрыть закономерности трансформации антирелигиозной политики государства и его пропагандистского аппарата на рубеже 1920–1930-х гг.;

2. исследовать процесс реализации агитационно-пропагандистской политики в Смоленской губернии и Западной области во второй половине 20-х гг. XX в.;

3. систематизировать и изучить основные формы и методы административно-репрессивного аспекта антирелигиозной политики в Смоленской губернии и Западной области на примере процесса ликвидации (закрытия) молитвенных зданий.

Объектом исследования является политика советской власти по отношению к РПЦ в период 1925–1930 гг.

Предмет исследования – формы и методы богоборческой политики Советской власти в Смоленской губернии и Западной области.

Научная новизна работы

Научная новизна данной диссертационной работы заключается в том, что впервые в исторической науке проведено специальное целостное исследование

проблемы трансформации взаимоотношений Советского государства и Православной Церкви на основании региональных материалов (Смоленская губерния и Западная область во второй половине 1920-х гг.). В ходе исследования удалось систематизировать и выделить основные методы государственной политики по закрытию храмов и молитвенных зданий, а также отдельно охарактеризовать пропагандистскую кампанию с позиций экономического и идеологического аспектов. Впервые введен в научный оборот ряд архивных материалов по рассматриваемой проблеме.

Положения, выносимые на защиту

1. Государственная политика в отношении религиозных организаций в течение 1920-х гг. претерпела ряд изменений и отличалась крайней неоднородностью. В целом антирелигиозная политика советской власти включала в себя несколько направлений: репрессии в отношении духовенства и мирян вне зависимости от их конфессиональной принадлежности, ликвидация храмовых и молитвенных зданий и передача таковых в собственность светских институтов, изъятие церковного имущества, широкомасштабная атеистическая пропаганда, налоговое давление на религиозные общины. Законотворческая деятельность в период НЭПа (1921–1928) стала нормативной платформой для будущих массовых гонений на верующих. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях», явившееся итогом законотворческой деятельности в отношении религии и Церкви, сыграло решающую роль в государственной вероисповедной политике, подчинив религиозные общины и церковное имущество жесткой регламентации и контролю. К концу 1920-х гг. ввиду окончательного формирования «генеральной» линии партии, в период начавшихся коллективизации и индустриализации, возникшего хлебозаготовительного кризиса, духовенство приравнивается к пособникам «кулачества» и его деятельность считается контрреволюционной: антирелигиозная борьба выводится в политическую плоскость через разжигание ненависти народа к Церкви, духовенству и верующим. В антирелигиозной политике Советского государства первой половины 1920-х гг. превалирует идеологическое давление на конфессиональные структуры. Антирелигиозная пропаганда не носила воинственного характера и не стояла на политической повестке в качестве приоритетной. Фундаментом антирелигиозной работы была пропаганда коммунизма как научной и общественной системы и критика религии с точки зрения естественнонаучной картины мира. С 1927 г. на фоне изменений, связанных с ужесточением религиозной политики Советского государства в сторону административно-репрессивного аспекта, начинается процесс

выработки нового законодательства в отношении организации антирелигиозной пропаганды в сторону ее структурирования и выработки мер по усилению антирелигиозной работы. Вопросы антирелигиозной пропаганды перестают быть уделом только агитационно-пропагандистского отдела партии и Союза безбожников. Новое наступление на религию становится приоритетным в партийной работе, включало в эту борьбу практически все структуры государства, в том числе органы НКВД и ОГПУ. Принимаемые нормативные акты были направлены на ожесточение антирелигиозной работы и пропаганды, внедрение ее во все сферы жизни общества. Антирелигиозная пропаганда, возрождаемая в конце 1920-х гг., стала идеологической основой всей антирелигиозной работы.

2. Процесс изменения постановки антирелигиозной пропаганды в Смоленской губернии связан с появлением региональной организации Союза безбожников в 1925 г. Региональной властью строится целостная структура антирелигиозного просвещения и образования через разветвленную сеть ячеек безбожников, создающихся во всех волостях, уездах и городах Смоленской губернии, происходит теоретическая разработка задач, форм и методов антирелигиозной пропаганды. С 1925 по 1928 гг. Союзом безбожников Смоленской губернии выстраивается процесс организации систематической антирелигиозной агитационно-пропагандистской работы, построенной на естественнонаучном просвещении граждан, акцентируется внимание на понимании антирелигиозной пропаганды как продолжительного процесса изменения религиозного сознания масс. Такое построение пропаганды, лимитируя ее рамками определенной структуры, в какой-то мере освобождало Церковь от безбожного произвола и административного нажима. Несмотря на все усилия в данный период систематизировать антирелигиозную пропаганду и выстроить серьезную идеологическую структуру, смоленский Союз безбожников фактически был неработоспособен, антирелигиозная пропаганда проводилась на низком уровне, а в сельской местности практически не имела успеха. Смена задач, форм и практики антирелигиозной пропаганды датируется 1929 г. и отражается в документальных материалах образованной в январе Западной области. 1929 г. стал началом развертывания массивного антирелигиозного наступления советского агитпропа. Сравнительно «деликатные» идеологически-пропагандистские методы борьбы с религией при неэффективности деятельности Союза безбожников меняются в сторону административно-репрессивного подхода, реализуемые под непосредственным контролем АППО. Деятельность Церкви и верующих рассматривается как противодействие советской власти и признается контрреволюционной. Делопроизводственная документация смоленских архивов свидетельствует о том, что региональная власть выстраивала целостную антирелигиозную

политику на местах, причем в антирелигиозную деятельность были задействованы как исполнительные органы, так и партийные структуры (комсомольская организация), призванные обеспечить поддержку со стороны населения. В тоже время реализация в регионе в первой половине 1929 г. нового антирелигиозного административно-репрессивного курса Советского государства практически не осуществлялась ввиду занятости руководства региона и Союза воинствующих безбожников организационными вопросами по районированию новообразованной Западной области.

3. Постановление «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. стало нормативно-правовой базой, которая в дальнейшем использовалась в административных акциях ликвидации храмов и молитвенных зданий. Данный законотворческий акт стал в действительности основой для жесткого администрирования на местах, когда откровенные антирелигиозные действия легитимизировались, как следование «советской законности». Исследование выявило несколько мотивов закрытия храмов: несоблюдение налогового законодательства, государственные или общественные нужды в зданиях и помещениях, отказ религиозными общинами осуществлять ремонт храмового здания. Данные практики, ориентированные на действующее законодательство, в действительности явились целенаправленной политикой по полному захвату и уничтожению церковного имущества при постоянном нарушении закона, искусственном создании оснований к закрытию и фальсификации общественного мнения. В период с весны 1930 по 1931 гг. религиозное законодательство частично видоизменялось, в том числе, и по причине крайне негативной реакции со стороны населения на вероисповедную политику государства. Исследование делопроизводственной документации, а именно постановлений о закрытии церквей в период с весны 1930 по конец 1931 гг. позволяет утверждать об ослаблении в гонениях «административного нажима», попытках центральной и областной исполнительной власти соблюдать установленное законодательство.

Личный вклад соискателя

Настоящее диссертационное исследование является самостоятельным историографическим анализом, использующим широкий массив документальных материалов, впервые введенных в научный оборот, и опирающимся на достижения современной историографии. Диссертационное исследование является попыткой исследовать положение Русской Православной Церкви в Смоленской губернии и Западной области во второй половине 1920-х гг. и начале 1930-х гг. в рамках антирелигиозной политики (административные и экономические репрессии) Советского государства, а

также в условиях формирования и осуществления антирелигиозной пропаганды. Автор полагает, что данная работа позволит исторически объективно взглянуть на взаимоотношения Церкви и государства в описываемый период. Это вовсе не означает, что проведенная работа позволяет заявить о разрешении всех основных вопросов государственно-церковных отношений второй половины 1920-х гг. Скорее, мы можем говорить о новых возможностях, которые теперь открываются перед исследователями.

Апробация результатов диссертации

В период подготовки кандидатской диссертации результаты исследования были представлены на 3 научных конференциях: международной научной конференции «Российское православие от модерна к сегодняшнему дню (конец XIX – конец XX в.): проекции Великой русской революции в истории и историографии» (СмолГУ, 15–17 июня 2018); всероссийской (с международным участием) научной конференции «Церковно-историческая наука в России XIX – начала XXI в.: институты, школы, ключевые проблемы» (СмолГУ, 2020); XII международной научно-богословской конференции «Актуальные вопросы современного богословия и церковной науки» (СПбДА, 2021). Материалы диссертации были использованы в учебном процессе в Смоленской Духовной Семинарии в ходе преподавания спецкурса «История РПЦ в XX веке (по материалам архивов Смоленской области)».

Опубликованность результатов диссертации

Основные положения диссертации отражены в 3 научных статьях: в журналах «Христианское чтение» (ВАК) и «Теологический вестник Смоленской Православной Духовной Семинарии» (входит в научную базу «Российский индекс научного цитирования» и в Общецерковный перечень журналов, в которых рекомендуется публиковать результаты исследований соискателей ученых степеней по богословию и церковной истории). Общий объем опубликованных материалов составляет 3,2 авторских листа.

Структура и объем диссертации

Диссертационное исследование состоит из перечня условных обозначений, введения, общей характеристики работы, основной части, включающей в себя 4 главы, заключения, библиографического списка (297 наименования, из них 3 – публикации соискателя). Объем диссертации без библиографического списка – 171 страница, список – 22 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

В первой главе «Историография, источники и методы исследования» характеризуется историографическая база диссертации, систематизируются источники и на основании принятых методологических подходов определяется методика исследования.

В разделе 1.1 «Историография» осуществлён историографический обзор темы диссертационного исследования. Довоенная историография, занимавшаяся исследованием церковно-государственных отношений в первые десятилетия существования СССР, отличалась политической и атеистической идеологической ангажированностью. В то же время ряд работ представлял социо-политический анализ существования Русской Православной Церкви в рамках коммунистического государственного строя. Большинство авторов этих работ были инициаторами или очевидцами вероисповедной политики советской власти (В.Д. Бонч-Бруевич¹, Е.М. Ярославский², П.А. Красиков³, Н.К. Крупская⁴, А.В. Луначарский⁵, И.И. Скворцов-Степанов⁶). Наряду с этим существовали монографии зарубежных исследователей, а также труды советских диссидентов, публиковавшихся в самиздате или заграничных издательствах, по сути, не ограниченных идеологической линией советской академической науки.

Принципы послевоенной историографии, обусловленные существенным ослаблением антирелигиозной политики Советского государства, начали постепенно смещаться в сторону объективности научно-исторического исследования. Благодаря частичному обращению к документальным первоисточникам, стал превалировать историко-критический подход, хотя

¹ Бонч-Бруевич, В.Д. Живая церковь и пролетариат. / В.Д. Бонч-Бруевич. – М. : Жизнь и знание, 1923. – 32 с.; Бонч-Бруевич, В.Д. Избранные атеистические произведения. / В.Д. Бонч-Бруевич. – М. : Мысль, 1973. – 343 с.; Бонч-Бруевич, В.Д. Избранные сочинения : в 3 т. / В.Д. Бонч-Бруевич. – М. : Изд-во АН СССР, 1959. – Т.1 : О религии, религиозном сектантстве и церкви. – 1959. – 411 с.

² Ярославский, Е.М. На антирелигиозном фронте (1919–1924 гг.). / Е.М. Ярославский. – М. : Красная новь, 1924. – 223 с.; Ярославский, Е.М. Религия и РКП(б). / Е.М. Ярославский. – М. : Безбожник, 1925. – 48 с.; Ярославский, Е.М. 10 лет на антирелигиозном фронте. / Е.М. Ярославский. – М. : Безбожник, 1927. – 16 с.; Ярославский, Е.М. Против религии и церкви : в 5 т. – М. : ОГИЗ – ГАИЗ, 1932–1935. – 5 т.; Ярославский, Е.М. О религии. / Е.М. Ярославский. – М. : Госполитиздат, 1958. – 643 с.

³ Красиков, П.А. Избранные атеистические произведения. / П.А. Красиков. – М. : Мысль, 1970. – 269 с.; Красиков, П.А. На церковном фронте (1918–1923 гг.). / П.А. Красиков. – М. : Юридическое изд-во НКЮ, 1923. – 311 с.

⁴ Крупская, Н.К. Антирелигиозная пропаганда. / Н.К. Крупская. – М. : ГИЗ, 1929. – 69 с.; Крупская, Н.К. Вопросы атеистического воспитания. / Н.К. Крупская. – М. : Просвещение, 1964. – 215 с.; Крупская, Н.К. Из атеистического наследия. / Н.К. Крупская. – М. : Наука, 1964. – 307 с.

⁵ Луначарский, А.В. Об атеизме и религии. / А.В. Луначарский. – М. : Мысль, 1972. – 509 с.; Луначарский, А.В. Почему нельзя верить в бога? Избранные атеистические произведения. / А.В. Луначарский. – М. : Наука, 1965. – 443 с.; Луначарский, А.В. Христианство или коммунизм? Диспут с митрополитом А. Введенским. / А.В. Луначарский. – Л. : ГИЗ, 1926. – 76 с.

⁶ Скворцов-Степанов, И.И. Задачи и методы антирелигиозной пропаганды. Религия в школе. 3-е изд., перер. и доп. / И.И. Скворцов-Степанов. – М.–Л. : ГИЗ, 1925. – 73 с.; Скворцов-Степанов, И.И. Избранные атеистические произведения. / И.И. Скворцов-Степанов. – М. : Изд-во АН СССР, 1959. – 568 с.

оставалось давление атеистической идеологии и опора на научную методологию. Стоит отметить монографии следующих авторов: В. А. Куроедова¹, Р.Ю. Плаксина², Н.С. Гордиенко³.

Менее искаженным был взгляд зарубежных и диссидентских историков на проблему церковно-государственных отношений в СССР, однако эмигрантским авторам не хватало доступа к делопроизводственной документации. Поэтому эмигрантскую историческую литературу 1960–1980-х гг. можно отнести по большей части к жанру правозащитной литературы, а не научной историографии. Среди работ можно выделить труды еп. Григория (Граббе)⁴, Л.Л. Регельсона⁵, А.Э. Краснова-Левитина⁶, о. Владимира Русака⁷. Вершиной эмигрантской церковно-исторической литературы стали исследовательские труды профессора Д.В. Поспеловского⁸, который использовал так называемый «Смоленский архив» – документы, попавшие в Америку после Второй мировой войны.

С середины 1980-х гг. в историографии в области вероисповедной политики Советского государства произошли фундаментальные изменения в принципах и методологии отечественной исторической науки. Появился ряд авторов, получившим доступ к государственным архивам и к ранее неизвестным научному сообществу источникам, которые поставили под сомнение ряд теоретических положений и методологических подходов классической советской историографии. Среди них можно отметить работы

¹ Куроедов, В.А. Религия и церковь в Советском государстве. / В.А. Куроедов. – М. : 1981. – 261 с.

² Гордиенко, Н.С. Православие в советском обществе. Основные этапы эволюции / Н. С. Гордиенко // Русское православие: Вехи истории / А.И. Клибанов [и др.] ; под. ред А.И. Клибанова. – М., 1989. –С. 616–690.

³ Гордиенко, Н.С. Православие в советском обществе. Основные этапы эволюции / Н. С. Гордиенко // Русское православие: Вехи истории. – М., 1989. –С. 616–690.

⁴См. Граббе, Г., епископ. Правда о Русской Церкви на родине и за рубежом. / епископ Г. Граббе. – Джорданвилль : 1961. – 216 с.; Граббе, Г., епископ. Русская Церковь пред лицом господствующего зла. / епископ Г. Граббе. – Джорданвилль: Свято-Троицкий монастырь. – 1991. – 175 с.

⁵Регельсон, Л. Трагедия Русской церкви, 1917–1945 / Л. Регельсон; послесл. Иоанна Мейендорфа. – Paris : YMCA-press, Cop. 1977. – 625 с.: портр.

⁶Краснов-Левитин, А.Э. Рук твоих жар: 1941–1956. / А.Э. Краснов-Левитин. – Тель-Авив : Круг, 1979. – 479 с.; Краснов-Левитин, А.Э. Дела и дни. Обновленческий митрополит Александр Введенский. / А.Э. Краснов-Левитин. – Париж : Поиски, 1990. – 204 с.; Краснов-Левитин, А.Э. Очерки по истории русской церковной смуты. / А.Э. Краснов-Левитин, В. Шавров. – М. : Крутицкое патриаршее подворье, 1996. – 672 с.

⁷ Русак, В. С. Свидетельство обвинения: церковь и государство в Советском Союзе / Владимир Степанов (Русак). - Valley Cottage, N. Y. : Multiling. typesetting, cop. 1987-. Ч. 1. - cop. 1987. - 350, [2] с.

⁸Поспеловский, Д.В. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР : учебное пособие. / Д.В. Поспеловский. – М. : Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 1996. – 408 с.; Поспеловский, Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке : учебное пособие. / Д.В. Поспеловский. — М. : Республика, 1995. – 511 с.; Поспеловский, Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке: учебное пособие. / Д.В. Поспеловский. – М. : Директ-Медиа, 2008. – 511 с.; Поспеловский, Д.В. Какой ценой? Приходская летопись храма, который никогда не закрывался. / Д.В. Поспеловский. – М.: Об-во любителей церковной истории, 2003. – 176 с.; Поспеловский, Д.В. Тоталитаризм и вероисповедание : учебное пособие. / Д.В. Поспеловский. – М. : ББИ св. ап. Андрея, 2003. – 655 с.

С.Н. Савельева¹, В.А. Алексеева², М.И. Одинцова³, М.Ю. Крапивина⁴, А.Н. Кашеварова⁵, Н.А. Кривовой⁶.

Проблематику антирелигиозной политики раннего советского государства с начала 1990-х гг. XX века подробным образом изучали О.Ю. Васильева и П.Н. Кнышевский⁷, И.А. Курляндский⁸, петербургский исследователь М.В. Шкаровский⁹, которые дают полноценную картину антирелигиозных кампаний в период «сталинских репрессий».

С нулевых годов XX в. среди исследований появлялись диссертации, анализирующие особенности антирелигиозной политики сталинского режима

¹ Савельев, С.Н. Протоколы антирелигиозных мудрецов / С.Н. Савельев // Религия и свободомыслие в культурно-историческом процессе / С.-Петербург. гос. ун-т / под ред. С.Н. Савельева – Л. : 1991. С.143–155; Савельев, С.Н. Бог и комиссары (к истории комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК ВКП(б) – антирелигиозной комиссии) / С.Н. Савельев // Религия и демократия: На пути к свободе совести. – М. : 1993. – Вып.2. – С. 164–216.

² Алексеев, В.А. Иллюзии и догмы: Взаимоотношения Советского государства и религии / В.А. Алексеев. – М. : 1991. – 398 с.; Алексеев, В.А. «Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР / В.А. Алексеев. – М., 1992. – 299 с.; Алексеев, В.А. Была ли в СССР «безбожная пятителка»? / В.А. Алексеев // Диспут. – 1992. – № 2. С. 12–23.

³ Одинцов, М. И. Государственно-церковные отношения в России (на материалах отечественной истории XX века) / М.И. Одинцов // Российское объединение исследователей религии [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.rusoir.ru/president/works/80/>. – Дата доступа : 18.08.2020; Одинцов, М. И. Государство и церковь в России. XX век / М. И. Одинцов. – М. : Луч, 1994. – 171 с.; Одинцов, М. И. Государство и Церковь. (История взаимоотношений 1917–1938 гг.) / М. И. Одинцов. – М. : Знание, 1991. – 63 с.; Одинцов, М. И. Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом / М. И. Одинцов. – М. : Центральный дом духовного наследия. Объединение исследователей религии, 2002. – 312 с.; Одинцов, М.И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 / М.И. Одинцов. – М. : Политическая энциклопедия, 2014. – 424 с.; Одинцов, М. И. Русские патриархи XX века: Судьбы Отечества и церкви на страницах архивных документов / М. И. Одинцов. – М. : Изд. РАГС, 1999. – 334 с.

⁴ Крапивин, М.Ю. Судьбы христианского сектантства в Советской России (1917–конец 1930-х гг.) / М.Ю. Крапивин, А.Я. Лейкин, А.Г. Далгатова. – СПб. : 2003. – 308 с.; Крапивин, М.Ю. Адвентисты седьмого дня в условиях советской действительности (1917-й – конец 1920-х гг.) / М.Ю. Крапивин, А.Г. Далгатова // Общество и власть: Материалы Всероссийской научной конференции. – СПб. : 2004. С. 199–206; Крапивин М.Ю., Макаров Ю.Н. Религиозное сектантство в условиях советской действительности (октябрь 1917-го – конец 1930-х годов) // Исторические записки. Вып. 8 (126). М., 2005. С. 115–151; Крапивин, М.Ю. Старобрядцы в период массовых репрессий конца 1920-х – 1930-х гг. / М.Ю. Крапивин // Общество и власть : материалы Всероссийской научной конференции. – СПб. : 2006. – С. 283–289; Крапивин, М.Ю. Внутриконтрессиональные конфликты и проблемы межконтрессионального общения в условиях советской действительности (октябрь 1917 –конец 1930-х гг.) / М.Ю. Крапивин, А.Г. Далгатова, Ю.Н. Макаров. – СПб. : 2005. – 622 с.

⁵ Кашеваров, А. Н. Государственно-церковные отношения в советском обществе 20–30-х гг.: (Новые и малоизуч. вопр.) / А. Н. Кашеваров; С.-Петерб. гос. техн. ун-т. – СПб. : Изд-во СПбГТУ, 1997. – 45 [2] с.; Кашеваров, А.Н. Государство и церковь: из истории взаимоотношений Советской власти и Русской Православной Церкви, 1917–1945 гг. / А. Н. Кашеваров. – Санкт-Петербург : СПбГТУ, 1995. – 139 с.; Кашеваров, А.Н. Религиозная политика Советского государства в «год великого перелома» / А.Н. Кашеваров // Из истории России: сб. ст. – СПб. : 2003. – Вып. 1. – С. 139–150; Кашеваров, А. Н. Православная Российская Церковь и советское государство (1917–1922) / Кашеваров А. Н.; Общество любителей церковной истории. – М. : Изд-во Крутицкого патриаршего подворья, 2005. – 437 с.

⁶ Кривова, Н.А. Власть и Церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства / Н.А. Кривова. – М., 1997. – 247 с.; Кривова, Н.А. Историография проблемы взаимоотношений власти и церкви в 1922–1925 годах / Н.А. Кривова. // История повседневности [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа : <http://1.vv-travel.ru/node/392>. – Дата доступа : 12.08.2020.

⁷ Васильева, О.Ю. Колокольный стон индустриализации / О.Ю. Васильева, П.Н. Кнышевский // Ленинградский рабочий. – 1990. – № 32 (2853). – С.10; Васильева, О.Ю. Красные конкистадоры / О.Ю. Васильева, П.Н. Кнышевский. – М. : Товарищество "Соратник", 1994. – 269 с.

⁸ Курляндский, И.А. Сталин, власть, религия / И.А. Курляндский. – М., 2011. – 701 с.

⁹ Шкаровский, М. В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущёве / М.В. Шкаровский. – М., 1999. – 400 с.

на региональном уровне. В ходе исследования для создания общего представления о государственной церковной политике в различных областях СССР было изучено несколько работ, посвященных взаимоотношениям государства и Церкви на местах¹.

Исторические исследования, а именно монографии Ю.Н. Макарова², Н.Ю. Беликовой³, Ю.А. Бирюковой⁴, Р.А. Давлетшина⁵, И.С. Цыремпиловой⁶, Цыремпиловой⁶, М.Ю. Хрусталёва⁷, Л.Н. Лютова⁸, дают возможность проанализировать особенности функционирования институциональных органов советской власти на региональном уровне в 1920–1930-е гг. XX в.

Отдельную группу исследовательской литературы занимают работы, относящиеся непосредственно к истории Смоленщины. Здесь представлены исследования, посвященные изучению общей политики Советского государства в Смоленской губернии и Западной области, проявившейся как в городе, так и в сельской местности: структура губернской и районной власти и ее влияние на жизнь общества, процессы раскулачивания и коллективизации, социально-экономическая характеристика жизни крестьянина и горожанина и т.д. Знакомство с данным материалом позволило обозначить и оценить религиозную политику власти в Смоленске и Западной области вне отрыва от реальной жизни общества в исследуемый период⁹.

¹ Катунин, Ю.А. Православная церковь и государство: проблема взаимоотношений в 1917–1939 гг. (На материалах Крыма) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Ю.А. Катунин. – Москва, 2004. – 48 с.; Хрусталев, М.Ю. Русская Православная Церковь в центре и на периферии в 1918–1930-х гг. (на материалах Новгородской епархии) : дис. ... канд. ист. наук / М.Ю. Хрусталев. – Архангельск, 2004. – 272 с.; Ершов, А.Л. Взаимоотношения Русской православной церкви и светских властей в 1929 - 1941 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А.Л. Ершов. – Владимир, 2012. – 24 с.; Полищук, И.С. Духовенство и крестьянство в общественной жизни России. Конец XIX – 30-е гг. XX века (Опыт историко-сравнительного анализа) / И.С. Полищук. – Тверь, 2004. – 388 с.

² Макаров, Ю.Н. Русская православная церковь в условиях советской действительности (1917 г. – конец 1930-х гг.) / Ю.Н. Макаров. – Краснодар, 2005. – 381 с.; Макаров, Ю.Н. Советская государственная религиозная политика и органы ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД СССР (окт. 1917-го – конец 1930-х гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Ю.Н. Макаров. – СПб, 2007. – 48 с.; Макаров, Ю.Н. Ускорение процесса атеизации советского общества в условиях окончания НЭПа (конец 1920-х – начало 1930-х гг.) / Ю.Н. Макаров // История и историки в контексте времени: сб. науч. тр. ; отв. ред. А.А. Черкасов. – Краснодар – Сочи: Кубанский гос. ун-т. – 2006. – Вып. 4. – С.50–70.

³ Беликова, Н.Ю. Православная церковь и государство на Юге России (конец XIX – первая треть XX в.) / Н.Ю. Беликова. – Краснодар, 2004. – 162 с.

⁴ Бирюкова, Ю.А. Советская власть и православные общины Дона в 1920–1930-х гг. Характер отношений на местах / Ю.А. Бирюкова. – Ростов н/Д. : Издательство НМЦ «Логос», 2012. – 218 с.

⁵ Давлетшин, Р.А. История крестьянства Башкортостана, 1917–1940 гг. : дис. ... д-ра ист. наук / Р.А. Давлетшин. – Уфа, 2000. – 442 с.

⁶ Цыремпилова, И.С. Религия и власть в Республике Бурятия: история взаимоотношений. (1917–1940 гг.) / И.С. Цыремпилова. – Улан-Удэ : Издательско-полиграфический комплекс ВСГАКИ, 2000. – 162 с.

⁷ Хрусталев, М.Ю. Русская Православная Церковь в центре и на периферии в 1918–1930-х гг. (на материалах Новгородской епархии) : дис. ... канд. ист. наук / М.Ю. Хрусталев. – Архангельск, 2004. – 272 с.

⁸ Лютов, Л.Н. Церковь и сопротивление раскрестьяниванию в начале 1930 г. / Л.Н. Лютов // Вопросы истории. – 2015. – № 3. – С. 78-90.

⁹ Смоленщина в истории России. Люди. События. Мнения. Провинциальная власть: система и ее представители, 1917–1938 гг. : сб. ст. / Смоленщина в истории России. Люди. События. Мнения ; ред. Е. В. Кодин. – Смоленск, 2006. – Вып.3. – 352 с.; Смоленщина на страницах американской исторической литературы : сб. науч. тр. / М-во образования Рос. Федерации. Смол. гос. пед. ун-т ; под. ред. Кодина Е.В. и Хижи М. – Смоленск, 2000. – 384 с.; Кодин, Е.В. Смоленский архив и американская советология / Е.В. Кодин. – Смоленск:

Изучением истории Смоленской губернии и Западной области в довоенный советский период занималась группа исследователей Смоленского государственного университета под руководством профессора Е.В. Кодина. Относительно истории Смоленской губернии и Западной области в 1920–1930-е гг. XX в. историографическую ценность представляют кандидатские диссертации О.В. Кобец¹, Р.В. Шамшина², В.С. Батченко³. Исследовательский интерес смоленского историка М.В. Каиля⁴ направлен на анализ государственно-церковных отношений в пределах территории Смоленской губернии и Западной области. Монография прот. Георгия Урбановича⁵, базирующаяся на документальных материалах смоленских архивов, посвящена региональному аспекту церковно-государственных отношений в первой половине 20-х гг. XX в. В работах В.Л. Амельченкова (епископ Истринский Серафим) по изучению истории Смоленской епархии РПЦ в период Великой Отечественной войны отдельные главы отражают положение Смоленской епархии в предвоенное время, дается характеристика обновленческого движения и организации антирелигиозной пропаганды⁶.

Недостаточная изученность заявленной проблематики (состояние Русской Православной Церкви в 1920–1930-е гг. в СССР) на региональном уровне определила цель и задачи данного исследования.

В разделе 1.2 «Источники» приводится систематизация письменных (документальных и повествовательных) источников по теме исследования по принципу их репрезентативности. Источниковая база настоящего исследования

СГПУ, 1998. – 286 с.; Маннинг, Р. Массовые операции против кулаков и преступных элементов: апогей великой чистки на Смоленщине / Р. Маннинг. – Смоленск, 1999. С.230–254; Гетти, А. Партия и чистка в Смоленске. 1933–1937 гг. / А. Гетти. – Смоленск, 2000. – 275 с.; Забелин, А.А. Имя им легион: судьбы смолян, репрессированных в других республиках, краях, областях / А.А. Забелин. – Смоленск : СГУ, 1998. – 347 с.; а так же сборники работ Студенческого исторического общества. Смоленск, 2005–2007. Вып. I–III.

¹Кобец, О.В. Сопроотивление смоленского крестьянства государственной политике в деревне, 1928–1933 гг.: дис. ... канд. ист. наук / О.В. Кобец. – Брянск, 2006. – 244 с.

²Шамшин, Р. В. Ликвидация кулачества в Западной области, 1929–1931 гг.: дис. ... канд. ист. наук / Р.В. Шамшин. – Брянск, 2010. – 227 с.

³Батченко, В. С. Крестьянское сопротивление государственной антирелигиозной политике в 1929–1931 годах: на материалах Западной области : дис. ... канд. ист. наук / В.С. Батченко. – Смоленск, 2015. – 259 с.

⁴Каиль, М.В. Власть и православные верующие в российской провинции 1918 – первой половины 1930-х гг.: контуры взаимоотношений / М.В. Каиль // Клио. – 2010. – № 4 (51). – С. 58–64; Каиль, М.В. История обновленческого раскола в Смоленской епархии 1920-х гг. в архивных документах и периодике / М.В. Каиль // Отечественные архивы. – 2010. – № 4. – С. 57–65; Каиль, М.В. Антирелигиозная агитация и пропаганда 1920-х гг.: провинциальная практика, формы, динамика (на примере Смоленской губернии) / М.В. Каиль // Известия Смоленского государственного университета. – 2010. – № 1 (9). – С. 205–218; Каиль, М.В. Дела по обвинению провинциального епископата, духовенства и верующих 1918–1920-х гг. / М.В. Каиль // Отечественные архивы. – 2012. – № 4. – С. 59–67.; Каиль, М.В. Православная церковь и верующие Смоленской епархии в годы революции и Гражданской войны: государственно-церковные отношения и внутриконтрессиональные процессы. / М.В. Каиль. – М. : Издательство Ипполитова, 2010. – 372 с..

⁵Урбанович Г., прот. Церковь и советская власть в Смоленске в 20-е гг. XX века (по материалам смоленских архивов) / протоиерей Г. Урбанович. – Смоленск, 2012. – 240 с.

⁶Амельченков, В.Л. Смоленская епархия в годы Великой Отечественной войны / В.Л. Амельченков. – Смоленск, 2006. – 192 с. Серафим (Амельченков), иеромонах (В.Л. Амельченков). Русская Православная Церковь и общество в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Смоленской области) / иеромонах Серафим (Амельченков). – Смоленск : Свиток, 2012. – 256 с.

представлена источниками документальными (законодательные, актовые и делопроизводственные) и повествовательными (переписка и периодическая печать).

С начала 1990-х гг. стали выходить многочисленные сборники документов, касающиеся жизни Русской Православной Церкви в советский период времени¹. Опубликованные нормативно-правовые акты представлены сборниками документов, связанными с законодательством о религиозных культурах.

К неопубликованным делопроизводственным материалам регионального происхождения, являющимся основой диссертации, следует отнести документы двух Смоленских архивов – Государственного архива новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО) и Государственного архива Смоленской области (ГАСО).

Значительная документация сосредоточена в 1 описи фонда № 2360 ГАСО «Исполнительный комитет Западного областного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Запоблисполком, г. Смоленск)» - материалы по закрытию церквей в Смоленске и области, сведения о молитвенных зданиях в городе и районах, материалы о расторжении договоров с верующими, сведения о состоянии и изъятии колоколов и церковного имущества, сведения о сборах налогов, переписка с райисполкомами по рассмотрению жалоб служителей культа» (1929–1933 гг.).

В Фонде № 161 ГАСО «Административный отдел Смоленского Губисполкома» (1917 – 1929 гг.) представлены статистические сведения по религиозным общинам и церквам, циркуляры отдела, переписка с наркоматом Внутренних Дел об отделении церкви от государства.

Статистические данные о церковных памятниках, описание церквей, монастырей и их имущества содержатся в фонде № 19 ГАСО «Отдел народного образования Смоленского Губисполкома (ГУБОНО) 1918–1929 гг.».

Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО) представлен двумя фондами: Фонд № 3 «Смоленский Губком ВКП(б) и Фонд № 5 «Западный Обком ВКП(б). 1929–1932 гг.», где в протоколах заседаний партийных структур отражена антирелигиозная политика.

¹ Акты Святейшего Тихона, патриарха Московского и всея России. Позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 : в 2 ч. / под. ред. М.Е. Губонина. – М. : Православный Свято-Тихоновский богословский институт, Братство во Имя Всемилоственного Спаса, 1994. – 1064 с.; Русская Православная Церковь в советское время. Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью : в 2 т. / сост. Г. Штриккер. – М. : ПроPILE, 1995. – 2 т.; Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. – М. : Издательство Библиейско-Богословского института св. апостола Андрея, 1996. – 352 с.

При написании данной работы были использованы повествовательные источники, представленные периодической печатью. Периодическая печать, использованная в диссертации делится на центральную и региональную. Среди региональной печати боагатый исследовательский материал содержит областная газета «Рабочий путь».

В разделе 1.3 «Методы исследования» характеризуются принципы и методология исследования, обосновывается его методика.

Во второй главе «Антирелигиозная политика в СССР во второй половине 1929-х гг.» комплексно исследуется антирелигиозная кампания в 1920-е гг., которая в себя включает: закрытие молитвенных зданий, налоговое давление на религиозные общины, репрессии в отношении духовенства и активных мирян, экспроприацию церковных ценностей, а также широкомасштабную атеистическую пропаганду.

В разделе 2.1 «Формирование богоборческой политики советской власти в 1920-е гг.» характеризуется вероисповедная политика советской власти до 1929 г.: особенности формирования и трансформации законодательства, регулирующего антирелигиозную политику и определяющего специфику репрессивной модели государственно-церковных отношений. Оценивая законотворческую деятельность Советского государства в период НЭПа (1921–1928), важно отметить, что в это время власть постепенно готовилась к началу массовых гонений на верующих. Наблюдается постепенный, но систематический переход от методов идеологической борьбы с религией и Церковью к административно-репрессивному характеру антирелигиозной политики. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г «О религиозных объединениях» явилось итогом формирования антирелигиозной вероисповедной политики Советского государства и отразило характер отношений государства к религиозным общинам и церковному имуществу, поставив жизнь религиозных общин под абсолютный контроль государственных органов. К концу 1920-х гг. победой Сталина закончилась внутрипартийная борьба, был взят курс на жесткую централизацию власти и устранение малейших признаков оппозиции. Русская Православная Церковь рассматривалась как «классовый враг» режима по определению. Новый воинствующий характер антирелигиозной работы становится единственно верным и приоритетным в «генеральной линии» партии, вовлекая в эту борьбу все государственные структуры и все население. Хотя 1920-е гг. намного уступают масштабам и формам гонений, происходивших в 1930-е гг., их трудно назвать спокойными. В этот период времени оформлялась антирелигиозная политическая система богоборческого государства, закладывалась нормативно-правовая база экспроприации храмов и церковного имущества, беспрецедентных преследований священнослужителей и мирян.

В разделе 2.2 «Становление антирелигиозной пропаганды Советского государства во второй половине 1920-х гг.» раскрываются закономерности оформления пропагандистского антирелигиозного аппарата на рубеже 1920–1930-х гг.; изучаются основные механизмы антирелигиозной пропаганды. В период с 1923 по 1927 гг. в антирелигиозной политике Советского государства ставка делается на развертывание широкомасштабной антирелигиозной пропаганды через деятельность созданного в 1925 г. Союза безбожников. В текущей антирелигиозной работе акцент ставился на атеистической пропаганде, построенной на материалистическом просвещении, дискредитации религии через антирелигиозные выступления, диспуты и карнавалы, публикации в печати. Неудачи в построении методологии антирелигиозной пропаганды в просветительском ключе, изменение курса антирелигиозной политики государства в 1929 г. выразились в формировании стратегии нового формата антирелигиозной пропаганды, а именно перехода от взвешенной политики диалога к «воинствующему» безбожию. Четко и последовательно новое понимание антирелигиозной пропаганды было отражено в постановлении «О мерах усиления антирелигиозной работы», утвержденном 24 января 1929 г. Антирелигиозная работа перестала быть только уделом агитационно-пропагандистского отдела партии и Союза безбожников. Новое наступление на религию включало в эту борьбу практически все структуры государства, в том числе, и органы НКВД и ОГПУ, изменяя пропагандистский аспект этой борьбы на административно-репрессивный. В мае 1929 г. на XIV Всероссийском съезде Советов РСФСР Конституцией РСФСР была законодательно закреплена свобода антирелигиозной пропаганды при возможности только свободы религиозных вероисповеданий. Характерным отражением изменения государственной религиозной политики явилось то, что проходивший 1929 г. II Всесоюзный съезд Союза безбожников переименовал существующую с 1925 г. организацию в Союз воинствующих безбожников (СВБ). Это изменение в наименовании характеризовало новую суть этой организации, деятельность которой из сугубо просветительской переходит в воинственную борьбу за политические интересы государства лозунгом: «Борьба с религией – борьба за социализм».

В третьей главе «Агитационно-пропагандистская политика Советского государства в Смоленской губернии и Западной области (1925–1930)» изучается смена форм и практики антирелигиозной пропаганды, произошедшая во второй половине 1920-х гг., и отражённая в документальных материалах Смоленской губернии и Западной области.

В разделе 3.1 «Организация Союза безбожников и становление антирелигиозной пропаганды» изучается положение антирелигиозной пропаганды в Смоленской губернии в начале второй половины 1920-х годов.

После проведения политики «военного коммунизма» в Смоленской губернии в первой половине 20-х годов XX века, выразившейся в процессе изъятия церковных ценностей, национализации церковного имущества и как ответ на реакцию Церкви – в показательном «процессе смоленских церковников», начался новый этап борьбы с Церковью и религией – становление активной антирелигиозной пропаганды. Новый подъем антирелигиозной работы в Смоленской губернии был связан с деятельностью регионального отделения организации Союза безбожников (1925 г.), в ведении которого и сосредоточилось проведение идеологической антирелигиозной политики Советского государства. В исследуемом секретном информационном письме Смоленского губсовета Союза безбожников от 17 ноября 1925 г «О религиозном фронте по губернии и методах содержания и организационных формах антирелигиозной работы» дается статистическая информация и характеристика состояния «религиозного фронта», создается картина выстраивания и осуществления антирелигиозной работы в регионе, осуждаются формы и методы существующей антирелигиозной пропаганды. Данное письмо имело фундаментальное значение для постановки антирелигиозной работы в последующие годы.

В разделе 3.2 «Формирование структуры, задач, форм и методов антирелигиозной пропаганды» исследуется процесс построения системы антирелигиозной пропаганды в губернии, качество и количество агитационных и пропагандистских мероприятий. На основании рассмотрения антирелигиозной пропаганды в Смоленской губернии во второй половине 1920-х гг. через деятельность регионального отделения Союза безбожников выстраивается общая картина о задачах, формах и методах антирелигиозной работы. За короткое время 1925 года Союз безбожников Смоленской губернии впервые фокусирует в своей деятельности вопрос организованного построения антирелигиозной пропаганды через создание программы антирелигиозного воспитания и образования в ячейках безбожников, призванных стать основной площадкой антирелигиозной пропаганды. Создается пропагандистская разветвленная сеть ячеек безбожников в г. Смоленске, по уездам и волостям губернии, а также на предприятиях, в учреждениях, школах через подчинение центральному губернскому органу, систему информационного обмена и отчетности, вырабатываются задачи, формы и методы антирелигиозной работы. Ячейка Союза безбожников, представляющая собой по замыслу организаторов главный источник антирелигиозной пропаганды, должна была формироваться в деревнях при избах-читальнях и красных уголках на фабриках, заводах, в учебных учреждениях в городах, тем самым охватывать собой все сферы жизни советского человека. Среди основных направлений работы – деятельность кружков, проведение лекций, собеседований и докладов, организация уголка

безбожника, формирование библиотечного фонда, выписка и проведение кампаний по подписке на журнал и газету «Безбожник». Вся система антирелигиозного образования и воспитания в ячейках безбожников мыслилась как продолжительный процесс изживания религии из жизни и сознания населения на фоне позитивного социалистического строительства государства. Антирелигиозное просвещение строилось в рамках культурно-исторического подхода и заключалось в естественнонаучном просвещении граждан, через привлечение к работе опытных пропагандистов и интеллигенции. Формирование ячеек преимущественно из беспартийных членов, как предписывал устав Союза безбожников, не было повсеместным и вызывало большие трудности. Большинство взрослого населения, особенно в сельской местности, относилось к антирелигиозной деятельности ячеек Союза безбожников или недоверчиво, или крайне отрицательно. Качество и количество агитационных и пропагандистских мероприятий местных ячеек Союза безбожников, помимо организационных, кадровых и методических вопросов, также были обусловлены во многом и финансированием. Антирелигиозная пропаганда в целом не финансировалась «сверху», а бюджеты ячейки Союза безбожников большей частью наполнялись членскими взносами. Многие ячейки Союза безбожников прекращали свою деятельность из-за отсутствия материальных поступлений от текущей деятельности. Атеистическая пропаганда на региональном уровне приобретала узкоспециализированный характер и ориентировалась на «интересующуюся» публику. Такая схема организации пропаганды выделяла ее в определенную идеологическую структуру государственной власти, наделяя определенными спланированными задачами и полномочиями, ограничивала пропаганду рамками этой структуры и в какой-то мере освобождала Церковь от безбожного произвола.

В разделе 3.3 «Антирелигиозная пропаганда в период с 1925 по 1928 гг.» исследуется Отчет Смолгубсовета СБ «Состояние антирелигиозной пропаганды по Смоленской Губернии за 1928 год». Общим контекстом содержания итоговой сводки работы Союза безбожников Смоленской губернии можно назвать отрицательную оценку таковой. Отчет Смолгубсовета Союза безбожников содержит характеристику и статистические данные религиозного и антирелигиозного «фронта», разбирает достоинства и недостатки проводимой антирелигиозной пропаганды, свидетельствует о грядущих изменениях в сфере антирелигиозной деятельности. На фоне очевидной неработоспособности смоленского отделения Союза безбожников, связанной с отсутствием систематической антирелигиозной пропаганды из-за дезорганизации руководящих структур, отсутствием опытных пропагандистов, бюрократизмом, отсутствием финансирования, неумением и нежеланием работать, точечными и

кампанейскими подходами и так далее, продолжал существовать, и даже активно и живо, «враг» – религия и Церковь, с которыми на протяжении нескольких лет пытались бороться. Вся эффективность антирелигиозной пропаганды, декларируемой губсоветом Союза безбожников Смоленской губернии, была возможной в случае административного нажима соответствующих структур. Сравнительно «деликатные» методы борьбы с религией при неспособности и неэффективности последних меняются на признание всей деятельности Церкви и верующих как направленной против советской власти. Такое «осмысление» не могло быть навязано только руководством Союза безбожников Смоленской губернии, а явилось отражением общей политики партии во главе с И. Сталиным, придавшей религии и Церкви официальный статус контрреволюционной силы. И весь последующий 1929 г. стал отражением этого переосмысления.

В разделе 3.4 «Трансформация антирелигиозной пропаганды в 1929 г.» на основании делопроизводственных документов анализируется изменение и специфика методов антирелигиозной борьбы в Западной области в 1929 году. Изменение государственного законодательства в сторону усиления административного давления на Церковь привело к кардинальному пересмотру принципов построения антирелигиозной пропаганды. Годовые отчеты регионального Союза безбожников свидетельствуют о сохранении религиозности населения при выявленных недостатках антирелигиозной работы в ячейках безбожников. Неэффективность антирелигиозной политики связывалась во многом с так и не осуществившимися планами создать безбожную ячейку как крепкий пропагандистский орган. Причинами этому признавались отсутствие четкой координации сверху антирелигиозной работой и излишним бюрократизмом деятельности ячеек, кадровый кризис достойных пропагандистов, непонимание и неприятие многими сути и содержания антирелигиозной пропаганды, самофинансирование деятельности ячеек. Анализ резолюций Запобкома ВКП(б) «О состоянии религиозных организаций в Западной области и борьбе с ними» от 26 июля 1929 г. и «О задачах антирелигиозной работы в Западной области» от 16 декабря 1929 г. позволил выявить весь спектр новых методов и подходов антирелигиозной программы на региональном уровне. Изменение курса антирелигиозной политики в 1929 г., инспирированное партией, хотя и с неким опозданием, но отражается и в документах Западной области и выражается в подчеркнутой смене акцентов на характере, формах и методах антирелигиозной работы – переходе с построения последней на сугубо идеологической пропаганде в сторону административно-репрессивных методов: создания единого антирелигиозного фронта и развертывания антирелигиозного наступления.

В четвертой главе «Закрытие храмов и молитвенных зданий в Смоленской губернии и Западной области как административно-репрессивный аспект антирелигиозной политики Советского государства» изучается процесс закрытия храмов и молитвенных зданий в Смоленской губернии, а с 1 октября 1929 г. – в Западной области, являющийся продолжением целенаправленной антирелигиозной политики Советского государства.

В разделе 4.1 *«Особенности политики по закрытию храмов в период с 1923 по 1927 гг.»* оценивается советское законодательство середины 1920-х гг. с точки зрения процесса ликвидации храмовых зданий. Позиция центральной власти в делах о закрытии храмов до 1927 г. свидетельствует о попытке придать этому процессу действительную законность и порядок. Постановления о закрытии храмов и молитвенных зданий должны были централизованно приниматься высшим органом исполнительной власти, предполагая серьезное делопроизводство, исключая, при этом, вмешательства ОГПУ – НКВД, партийных структур и районного произвола. Для желающих пользоваться храмовыми зданиями вне религиозных целей этот процесс был непростым: необходимо было принимать во внимание религиозные интересы верующих, статистические данные о количестве населения, пользующегося закрываемым храмом, о вместимости ближайших храмов т.п. Текущее законодательство к первой половине 1920-х гг. давало религиозным общинам возможность осуществлять религиозную деятельность. Хотя религиозные организации были лишены прав на движимое и недвижимое имущество, общины имели возможность арендовать храмовые помещения. Однако НКВД готовил почву для предотвращения появления новых религиозных общин и последующей ликвидации существующих. Хотя мотивы и основания к закрытию имелись всегда, прежде всего ввиду острого жилищного кризиса, с 1923 по 1928 гг. в Смоленске было закрыто всего пять храмов.

В разделе 4.2 *«Трансформация религиозной политики в деле закрытия храмов и молитвенных зданий к концу 1920-х гг.»* оцениваются механизмы и установленный общепринятый порядок закрытия церквей на основании нового законодательства, а конкретно постановления ВЦИК «О религиозных объединениях». Относительно терпимая и деликатная политика центральной власти в середине 1920-х гг. на местах – особенно в уездных и волостных центрах – к концу 20-х гг. XX века стала приобретать агрессивный антирелигиозный характер.

Новый характер антирелигиозной политики Советского государства получил свое выражение в постановлении ВЦИК от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях». Меняется в этот период и структура власти, ответственной за религиозную политику: закулисное осуществление церковной

политики сосредоточилось в руках НКВД и ОГПУ, которые были радикально настроены в отношении религиозных организаций. С 1929 г. в СССР начала осуществляться массовая ликвидация церквей силовым порядком. Так в г. Смоленске в 1928 г. был закрыт 1 храм, а уже в 1929 г. было закрыто 11 церквей. Постановление ВЦИК от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» воспринималось как своего рода законодательная санкция для крупномасштабной кампании по ликвидации молитвенных зданий. Хотя на законодательном уровне общины были защищены от спорадических закрытий, на местах храмы закрывались без соблюдения существующего законодательства. На региональном уровне постановление «О религиозных объединениях» рассматривалось как призыв к действию, поэтому центральные власти часто упрощали саму процедуру ликвидации. Молитвенные здания и действующие церкви закрывались или передавались в пользование светским организациям, не сообразуясь с реальными требованиями верующих. Часто подобные незаконные передачи производились в рамках некоего «социалистического соревнования». Процесс закрытия церквей в сельской местности был связан с развернувшейся коллективизацией, успешное осуществление которой связывалось именно с ликвидацией храмов и молитвенных зданий.

В разделе 4.3 «Причины закрытия храмов» исследуется каждая из юридических мер, предпринятая в процессе ликвидации храмов и молитвенных зданий.

В разделе 4.3.1 «Закрытие храмов в случае неуплаты страховых платежей и налогов; вопрос о выплате страховых премий» рассматривается один из основных аспектов закрытия храмов и молитвенных зданий – экономический. Самым распространенным приемом, использовавшимся местными властями для закрытия храма, было не соблюдение общиной чрезмерного и непосильного налогообложения, введенного Советским государством. Для религиозной общины, которая являлась финансово ответственным лицом прихода, предполагался целый спектр налоговых и страховых выплат: налог со строений, земельная рента, страховка здания от огня и иные сборы. Суммы налоговых и страховых выплат доходили до астрономических размеров, поэтому были распространены случаи невыплат налогов религиозными общинами, о чем свидетельствуют жалобы общин в отношении неправомерных ставок налогообложения. Практически повсеместно приходские церковные бюджеты собирались из пожертвований в основном представителей рабоче-крестьянского происхождения, то есть самой бедной прослойки советского населения. Постановление ВЦИК «О религиозных объединениях» регулировало случаи не поступления налоговых выплат: храмовое здание изымалось у религиозной общины и передавалось другому

религиозному объединению, которое и должно было погасить налоговую задолженность. В случае отсутствия желания иной религиозной общины взять церковное здание в пользование, храмы изымались в пользу государства. Не в последнюю очередь такое положение было обусловлено отсутствием конкретной законодательной базы по вопросам налогов в этот период, постоянно меняющимися и заменяющими друг друга циркулярами и инструкциями ВЦИК, НКВД, НКФ, Госстраха. Стремление власти навести порядок в налоговом вопросе выразилось в появлении 6 января 1930 г. циркуляра № 195 Народного комиссариата финансов СССР о налоговом обложении религиозных обществ и молитвенных зданий, в котором представлена попытка детально и основательно изложить права и обязанности сторон. Поскольку налогообложение молитвенных зданий относилось к категории «местных налогов», то не представляется сложным предположить, что происходило в таком случае «на местах» – прежде всего в районах области. Отсутствие четких критериев и формул оценки давали неограниченные возможности местным страховым органам в установлении сумм платежей. Архивные документальные свидетельства по Западной области подтверждают общегосударственную тенденцию повышения налоговых и страховых взносов для религиозных общин. Специальная комиссия при Президиуме Западного облисполкома на 1931 г. подтверждала тот факт, что большинство приходов было ликвидировано из-за неуплаты налогов.

В разделе 4.3.2 *Ликвидация молитвенного здания для государственных или общественных нужд* представлен механизм данной процедуры на примере церкви г. Смоленска и Западной области. Статья 36 постановления ВЦИК от 8 апреля 1929 г. давала широкие возможности к изъятию храмов и молитвенных зданий, как в городе, так и в сельской местности. Главным мотивом к изъятию церковных зданий в условиях существующего остро жилищного кризиса были внешне благородные цели: необходимость здания под школу, госпиталь, дом инвалидов и т.д. Чаще – в условиях острой нужды рабочих в досуге и нехватке складских помещений – храмы приспособлялись под клубы и склады. Реже – под музеи. Иногда – сносились. В сельской местности закрытый храм зачастую служил зернохранилищем или просто пустовал. Схема реализации ст. 36 выглядела следующим образом. Появлялся внешний «заказ» на определенный храм, который выражался в письменной форме с достаточно «благой» аргументацией, и представлялся в гор- или губадмотдел, который ходатайствовал перед ГИК или облисполкомом о закрытии. Через непродолжительное время принималось положительное решение. Весь процесс широко освещался в печати, где приводились огромные цифры, подтверждающие желание большинства населения. Иллюстрацией проведения в жизнь 36-й статьи постановления ВЦИК от 8 апреля 1929 г. являются

смоленские церкви, на примере которых можно проследить весь механизм их закрытия в городе. Основное количество храмов города Смоленска в 1929 г. было закрыто именно в связи с государственными или общественными нуждами.

В разделе 4.3.3. «Закрытие храмов по причине их ветхости и отказа производить ремонт» рассматривается очередная практика закрытия храмов, связанная с административным аспектом. Постановление ВЦИК «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. содержало очередной мотив, ставший с конца 1920-х гг. также одной из основных причин массового закрытия храмов и молитвенных зданий. Наряду с закрытием храма, связанным с государственными и общественными нуждами, этот мотив был в определенные моменты решающим. На примере закрытия церквей в 1929 г. Смоленске и Западной области можно утверждать, что под эту статью подпадал практически каждый храм, построенный до революции. И это не из-за того, что состояние с ветхими храмами было критическим, и они были на грани обвала. Можно согласиться только с тем, что храмы в условиях непростых 1920-х годов требовали текущего ремонта, на который у прихода зачастую не хватало средств ввиду высоких налогов. Объективные экономические причины неспособности содержать храмы в должном состоянии были. Это, прежде всего, относилось к сельским храмам. Городские же церкви, в частности церкви Смоленска, были посещаемы и имели хороший бюджет. Очевидно, что существовали и другие причины невыполнения условий по ремонту церковных зданий. Ввиду имеющейся статьи 46, храм признавался «угрожающим обвалом» или требующим серьезного капитального ремонта. Комиссией составлялась смета, во многом превышающая необходимые затраты или включавшая в себя затраты на какой-либо второстепенный ремонт, устанавливались сроки ремонта, фактически не выполнимые в реальности. При таких условиях приходской общине запрещалось производить сбор средств на ремонт и подавать заявки на стройматериалы. В конечном итоге создавался конкретный прецедент закрыть храм. Поэтому, в некоторых случаях, когда появлялась «заявка» на какой-либо храм, одним из быстрых и эффективных методов кампании по его закрытию было дело по необходимости его ремонта. Так, во многих постановлениях областного исполнительного комитета первым пунктом закрытия храма значится причина – ремонт, вторым – необходимость в здании для каких-либо целей.

В разделе 4.4 «Особенности религиозной политики по закрытию храмов в 1930 – 1931 гг.» исследуются изменения в отношении культов на примере процесса ликвидации церковных зданий в означенный период. На основании проанализированных делопроизводственных материалов можно сделать определенные выводы в отношении того, как в течение короткого периода

времени формировалось и изменялось законодательство о религии. Такое изменение законодательства хорошо видно на примере серьезного ослабления процесса ликвидации церковных зданий и появления ряда постановлений, циркуляров и резолюций, направленных на недопустимость административного нажима и силовых методов, призывающих к законному делопроизводству и уважению чувств и религиозных интересов верующих. Ослабление масштабного закрытия храмов началось с середины весны 1930 г. и продолжалось до лета 1931 г. Связано это было с некоторым снижением насилия в отношении крестьянства, с массовыми выступлениями против коллективизации, закрытия церквей и притеснения духовенства. Пересмотр политики закрытия храмов коснулся и деятельности местных властей; в частности, протоколы заседаний Президиума Записполкома свидетельствуют о распространенных случаях отмены процедуры закрытия церкви, а некоторые храмовые здания возвращались верующим. Документация вскрывала «болевы точки» религиозной политики на местах, которые предлагалось исправить на основании существующего законодательства вплоть до привлечения виновных к ответственности за его нарушение. К этому перечню относилось игнорирование райисполкомами полномочий вышестоящих органов власти (окрисполком, облисполком) в процедуре закрытия храмов. Закрытие церквей характеризовалось отсутствием необходимого делопроизводства при расторжении договоров и ликвидации, самоуправством сельсоветов при закрытии храмов «без желания» большинства населения, экономическими притеснениями членов общины верующих за неуплату налогов и сборов. Переписка облисполкома с окружными и районными исполнительными комитетами о закрытии церквей содержит подробный перечень необходимых условий, которые должны быть обязательно соблюдены. В большей мере это касалось всей совокупности данных относительно каждой отдельной церкви или храмового здания: какой была религиозная община, пользующаяся церковным зданием, по своему количеству и социальному составу; как относилось подавляющее большинство трудящегося населения к факту закрытия церкви (к производству приобщались постановления сходов); насколько распространены были в данной конкретной местности молитвенные здания, и не вызовет ли закрытие храма затруднений «в обслуживании религиозных нужд верующих»; для какой цели предполагалось использовать храмовое здание, и пригодно ли оно для использования по назначенной цели? На все эти вопросы необходимо было давать четкие ответы, на основании которых совершалась или запрещалась процедура ликвидации храмового здания. Облисполком предупреждал нижестоящие структуры, что изъятие здания от верующих может последовать лишь в случае соответствующего постановления Президиума Облисполкома. Обозначенные облисполкомом

условия закрытия храмов были тем критерием, который отсекал возможное самоуправство «на местах», будучи невыполнимым без серьезной работы низовых административных органов как в плане работы с населением, так и в своей экономическо-технической составляющей. В свою очередь представляет интерес в данный период позиция ВЦИК, отменявшего постановления Западного облисполкома о закрытии церквей, которые имели ранее бесприкрытый вариант – закрытие храма под школу, ввиду неуплаты религиозными обществами налогов за пользование храмами, а также постановления о закрытии на основании отказа церковного совета от пользования церковью и фактическом ее неиспользовании в течение длительного времени для «целей культа». В исследуемых постановлениях Комиссии по вопросам культов при Западном облисполкоме вплоть до конца 1932 г. случаев закрытия храмов не обнаружено.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные научные выводы диссертации

1. Анализ динамики развития антирелигиозной политики советской власти на протяжении 1920-х гг. позволяет говорить о следующем: 1920-е гг. отличались тем, что в этот период времени оформлялась политическая система богоборческого государства, закладывалась нормативно-правовая база изъятия у Церкви ее имущества, беспрецедентных преследований священнослужителей и мирян. Фундаментом вероисповедной политики Советского государства в период НЭПа была стратегия административного давления на Русскую Православную Церковь, выражавшаяся в непрекращающихся попытках полностью контролировать церковную институцию. После периода относительной стабилизации административно-репрессивного характера гонений (1923–1927), когда большевики сделали ставку на развал Церкви изнутри и антирелигиозную пропаганду, ввиду неэффективности последних, а также вследствие взятия на себя партией во главе с И. В. Сталиным государственного управления, начался новый этап развертывания антирелигиозной политики в административном ключе. Начиная с 1927 г., наблюдается смещение партийного курса в реализации вероисповедной политики, вызванное обстоятельствами внутрипартийной борьбы и недостаточной результативностью антирелигиозной политики предыдущих лет. Стабильный формат церковно-государственных отношений периода «религиозного НЭПа» сменился административно-репрессивными методами регулирования конфессиональной деятельности. Одновременно смещались акценты и в практическом осуществлении религиозной политики, сосредотачивающейся непосредственно в руках ОГПУ и НКВД, что, соответственно, приводило к переориентации методов работы в сторону административно-репрессивных. Новая волна гонений умело скрывалась партийным руководством под видом классовой борьбы с контрреволюционными элементами в процессе строительства социализма, показывая, что как таковых гонений в СССР нет. Антирелигиозная политика советской власти заключалась не во внешних репрессиях по отношению к религиозным организациям, а в классовой борьбе с «контрреволюционными силами», с которыми и ассоциировались религиозные объединения. Таким образом, разделение народа на фоне «кровных интересов масс» способствовало формированию антирелигиозного сознания, ставшего затем основой будущего оправдания закрытия храмов и изъятия колоколов. Антирелигиозная кампания второй половины 1920-х гг. оказалась масштабным политическим курсом, системным аппаратом репрессий и истребления целого класса населения, по

сути, ставшего лояльным советской власти. Репрессивная политика советской власти, продвигаемая и, по сути, возглавляемая партией, изменялась в течение времени второй половины 1920-х гг. и отразилась в принятии целого ряда фундаментальных с точки зрения постановки вопроса об антирелигиозной работе законодательных актов. Антирелигиозное законодательство, ранее создававшее, хотя и ограниченные, но определенные условия существования Церкви и религии в Советском государстве, теперь было направлено на создание таких условий, при которых это существование будет невозможным. Антирелигиозная политика пошла по самому радикальному пути воинствующего атеизма и полного истребления религиозных организаций. Точкой отсчета этого пути стало постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. Предыдущие атеистические преследования Церкви чаще всего были спорадическими или локальными и не носили системного характера. Указанное постановление фактически ограничивало все религиозные организации рамками «удовлетворения религиозных потребностей» и вытесняло их на периферию социума с полным запретом какой-либо общественной деятельности. В антирелигиозной политике рубежа 1920–1930-х годов основным было два: идеологическое и административное. В первой половине 20-х гг. XX века преобладает идеологическое давление на конфессиональные структуры. Построение антирелигиозной пропаганды в Советском государстве в начале 20-х гг. XX в. не носило ярко выраженного политического характера и основывалось на идее образования народных масс и воспитания нового сознания населения страны через атеистическое просвещение путем развенчивания религиозных верований и пропаганды научно-материалистической знаний. Успехи борьбы с религией напрямую связывались с успехами социалистического строительства. Некоторые политические деятели были сторонниками налаживания диалога с Русской Православной Церковью, в том числе и в рамках правового поля, и придерживались стратегии приостановки «военного коммунизма». С 1927 г. начинается процесс выработки нового законодательства в отношении организации антирелигиозной пропаганды в сторону ее структурирования и выработки мер по усилению антирелигиозной работы. Вопросы антирелигиозной работы перестают быть только уделом агитационно-пропагандистского отдела партии и Союза безбожников. Новое наступление на религию включало в эту борьбу практически все структуры государства, в том числе органы НКВД и ОГПУ, изменяя пропагандистский аспект этой борьбы на административно-репрессивный. Четко и последовательно обозначенные задачи были отражены в постановлении ЦК ВКП(б) «О мерах усиления антирелигиозной работы», утвержденном 24 января 1929 г., а затем в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8

апреля 1929 г. Данные документы содержат основные теоретические положения и практические приемы, определившие характер вероисповедной политики СССР вплоть до конца 30-х годов. Таким образом, советским партаппаратом создается целая нормативно-правовая база для полномасштабной антирелигиозной кампании.

В 1929 г. внесен ряд поправок в Конституцию РСФСР, запретившим на высшем государственном уровне религиозную пропаганду, легализовав при этом как единственную антирелигиозную, а значит и исключаящим возможность проповедовать религию, совершать богослужения за пределами религиозных зданий. Учитывая конституционный запрет на религиозную пропаганду, грань между антисоветской агитацией и религиозной проповедью фактически стиралась, а ее оценка отдавалась на откуп местным чиновникам. Переименование в 1929 г. Союза безбожников в Союз воинствующих безбожников отражало новую стратегию построения антирелигиозной пропаганды с четким определением новых задач, методов и форм антирелигиозной работы, где количество превалирует над качеством: вовлечение в безбожие всего населения страны, охват антирелигиозной работой всех сфер жизни и деятельности. Антирелигиозная пропаганда отныне приравнивалась к партийной работе, становилась важнейшим фронтом социалистического строительства, противодействие или поверхностное отношение к которому расценивалось как антисоветская деятельность. Итогом изменений в религиозной политике Советского государства к концу 1920-х гг. явилось то, что за короткий промежуток времени она приняла целенаправленный, воинственный административно-репрессивный характер, была создана юридическая платформа для будущих всеохватывающих гонений, Церковь была отодвинута за рамки жизни и существования в этом государстве и обществе, духовенство и верующие получили клеймо «врага народа» и социалистического строительства, а их деятельность во многом стала расцениваться как контрреволюционная. Антирелигиозная кампания Советского государства второй половины 1920-х гг. стала не только войной с религией как идеологией, мешающей для построения нового общества, но и оказалась на практике настоящей войной против истории, культуры, традиций и большинства людей, бывших по своему вероисповеданию православными, а по политическим убеждениям лояльными советской власти.

2. С середины 1920-х гг. происходит фундаментальное структурное изменение в отношении организации антирелигиозной пропаганды. Изначально дело антирелигиозной пропаганды принадлежало агитационно-пропагандистскому отделу ЦК РКП(б) – ВКП(б). В дальнейшем Союз безбожников сфокусировал в себе основную антирелигиозную работу, оставив за агитпропом руководящие функции. Организованный в 1925 г. Союз

безбожников Смоленской губернии выстраивает процесс систематизации антирелигиозной пропаганды на фоне критики существующих недочетов чрез создание на территории Смоленской губернии разветвленной сети ячеек Союза безбожников, централизованно подчиняющихся губернскому органу. Таким образом устроенная структура должна была стать мощной платформой антирелигиозной пропаганды в регионе. Начальная деятельность Союза безбожников Смоленской губернии была связана с изучением состояния «церковно-сектантского фронта», разработкой методических форм работы, составлением образовательных и пропагандистских программ, построением системы антирелигиозных кружков при ячейках, вовлечением в антирелигиозную работу активной части интеллигенции, организацией снабжения антирелигиозной литературой. Программа антирелигиозной работы, построенная на понимании необходимости использования для борьбы с «религиозными предрассудками» населения естественнонаучного атеистического просвещения, планировалась как продолжительный и системный процесс, в ходе которого религия должна естественным образом уйти из жизни людей. Данная задача реализовывалась как антирелигиозное просвещение в библиотеках, читальнях, кружках через литературу, лекции и диспуты, и, таким образом, ограничивала пропаганду территориально и по численному охвату. Такая пассивная форма построения антирелигиозной агитации и пропаганды не носила воинственного характера, сохраняла бытие Церкви в рамках закона и защищала от произвола властей. Однако отчеты о деятельности Союза безбожников Смоленской губернии в период с 1925 по 1928 гг. свидетельствуют о том, что антирелигиозная работа была не эффективна в силу множества факторов и обстоятельств, незначительном влиянии атеистической агитации в особенности среди крестьянского населения. Причинами слабой антирелигиозно-пропагандистской политики стали дезорганизация руководящих структур, легкий агитационный характер антирелигиозной пропаганды (диспуты, скороспелые спектакли), отсутствие опытных пропагандистов и централизованных планов работы, бюрократизм, отсутствие финансирования, формирование ячеек из беспартийных членов, точечные и кампанейские подходы, произвол и бесчинство на местах, не понимание сути антирелигиозной работы, недооценка антирелигиозной работы со стороны партийных, комсомольских и профорганизаций, формальные директивы АППО, полная дезорганизация намеченной системы антирелигиозной пропаганды, неумение и нежелание работать. Кардинальное изменение религиозной политики Советского государства в 1929 г. отразилось и в части постановки организации и проведения антирелигиозной пропаганды. Новые задачи, формы и методы антирелигиозной работы отражаются в документальных материалах Западной области. Происходит переход от

идеологического просвещения к построению пропаганды на административно-репрессивной платформе. 1929 г. стал началом развертывания массивного антирелигиозного наступления. Метод жесткого администрирования стал главной региональной стратегией в сфере вероисповедной политики, а антирелигиозная пропаганда, находящаяся с этого времени под контролем АППО, ОГПУ и НКВД, стала идеологической частью крупномасштабной антирелигиозной кампании. Документы Союза безбожников Смоленской губернии, а впоследствии, Союза воинствующих безбожников Западной области свидетельствуют о новом понимании организации антирелигиозной пропаганды, которая теперь представляет собой не образовательный процесс, а одно из политических направлений работы, неотрывно связанной с общим политическим курсом Советского государства – классовой борьбой с религией и верующими как контрреволюционной силой, противодействующей социалистическому строительству. Массовая работа Союза воинствующих безбожников на новом этапе своего развития предполагала не только всестороннее развитие антирелигиозной агитации и пропаганды, но внедрение антирелигиозной работы во все сферы жизни общества, особенно в сферу образования и воспитания, делая атеизм её неотъемлемым фундаментом. Одновременно ставятся задачи выделять лучшие кадры на антирелигиозную работу и рассматривать деятельность коммунистов Союза воинствующих безбожников «как партийную нагрузку», вводить новые должности специалистов в области антирелигиозной работы, проводить карательную политику в отношении руководства религиозных организаций; организовать активную антирелигиозную пропаганду в региональной печати. Среди поставленных задач обращает на себя внимание факт необходимости проведения Союзом воинствующих безбожников ранее не свойственной деятельности – подрыва экономической мощи религиозных организаций, усиления внутрицерковного раскола и разложения Церкви изнутри. Обращает на себя внимание факт, ставший причиной ослабления в Западной области ожесточения вероисповедной политики Советского государства и проведения активно в действие административно-репрессивных форм борьбы с Церковью, духовенством и верующими. Существенной исторической особенностью, повлиявшей на воплощение антирелигиозной политики в регионе, было административно-территориальное изменение Смоленской губернии, связанное с образованием декретом президиума ВЦИК от 14 января 1929 г. Западной области с центром в г. Смоленске. С этого момента партийные и административные структуры новообразованной Западной области, а также региональный Союз безбожников были охвачены решением организационных вопросов по районированию. Таким образом, изменение курса антирелигиозной политики в 1929 г., инспирированное партией, отражается и в документах

Западной области и выражается в подчеркнутой смене акцентов на характере, формах и методах антирелигиозной работы – переходе с построения последней на сугубо идеологической пропаганде в сторону административно-репрессивных методов: создания единого антирелигиозного фронта и развертывания антирелигиозного наступления.

3. 1929 г., ввиду появления постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях», стал временем начала крупномасштабной кампании ликвидации церквей и молитвенных зданий. На основании данной законодательной нормы властью был выработан протокол действий, применяемых при ликвидации храмов и молитвенных зданий. Выстраивалась нормативно-правовая коллизия, когда в случае закрытия церкви виноватой оказывалась сама религиозная община, якобы не соблюдавшая законные предписания. Истинные мотивы антирелигиозной политики скрывали за буквой закона. Исследование выявило несколько мотивов закрытия храмов: несоблюдение налогового законодательства, государственные или общественные нужды в церковных зданиях и помещениях, отказ религиозных общин осуществлять ремонт храмового здания и т. д. Каждая из юридических мер представлена в делопроизводственных материалах местных исполнительных органов Западной области. Анализ методов работы и практики по закрытию храмов и церковных зданий с целью выявления истинного механизма реализации закона показал, что почти все мотивы к законному исполнению создавались искусственно с применением фальсификации данных на фоне возрастающего административного давления и беззакония на местах. Исследование первого мотива закрытия храмов в случае неуплаты страховых платежей и налогов, имеющего в своей основе экономическую составляющую, показало, что огромные суммы страховых платежей и налогов изначально устанавливались с позиции невозможности их будущей выплаты при отсутствии четких критериев и формул оценки, а также конкретной законодательной базы по вопросам налогов. Это давало неограниченные возможности местным страховым органам в установлении сумм платежей, а местным властям, особенно в сельской местности, на основании неуплаты «законно» закрывать храмы. Стремление власти навести порядок в налоговом вопросе выразилось в том, что к 1930 г. налоговая стоимость церковных зданий стала учитываться без включения в оценку предметов внутреннего интерьера и религиозного культа; суммы страховой платы за церковные здания были оставлены в пределах определенной ранее нормы, а оплата земельной ренты стала осуществляться на общих основаниях. Ликвидация молитвенного здания для государственных или общественных нужд стала одним из основных мотивов закрытия храмов с начала «фронтальной» атаки на Церковь в 1929 г. Протоколы областного исполнительного комитета Западной области периода

1929–1930 гг. свидетельствуют, что в половине случаев ликвидация храмовых зданий осуществлялась на основании «ходатайств» населения; также важным фактором для закрытия являлся отказ самих общин от пользования храмовым зданием. Противостояние верующих «благородным» целям использования храмов под школу, госпиталь, дом инвалидов и т.д. создавало прецедент противостояния народа и власти и рассматривалось как спланированные действия «контрреволюционеров». Установлена следующая схема практического осуществления данного мотива: на появляющийся «заказ» создавалось требуемое законом желание «большинства»– или через печать путем развертывания кампании, или путем фальсификации цифр о широком безбожии и желании населения, или путем давления и угроз, как правило, в сельской местности. Размытость законодательного регулирования позволяла фальсифицировать практически любые дела, касающиеся ликвидации храмов и молитвенных зданий. В итоге храм закрывался. Напротив, множество жалоб во ВЦИК свидетельствует о том, что при закрытии храма мнения большинства верующих не учитывали, а обжалование на местном уровне безосновательно отклоняли. Очередной мотив закрытия храмов – по причине их ветхости и отказа религиозной общины производить ремонт – наряду с закрытием храма по причине государственных и общественных нужд был в определенные периоды основным и решающим. Под эту статью подпадал практически каждый храм, построенный до революции. В основе указанного мотива лежал все тот же экономический аспект: при условии естественной необходимости текущего ремонта в период непростых 1920-х гг. приходским общинам зачастую не хватало средств из-за высоких налогов. С другой стороны, смета на ремонт храма, установленная соответствующей комиссией, во многом превышала необходимые затраты или включала в себя затраты на какой-либо второстепенный ремонт. Ремонт ограничивался минимальными сроками, не предполагавшими реальное выполнение. Более того, строго запрещались приходские сборы средств на ремонт и подача заявок на стройматериалы. В конечном итоге, невозможность осуществления требуемого ремонта создавал законный повод для закрытия храма. Проведенное исследование выявило, что в период 1930–1931 гг. начавшаяся волна массовых выступлений населения против повсеместного закрытия церквей привела к некоторому смягчению процесса изъятия. На территории Западной области храмы фактически не закрывались, происходит прекращение практики закрытия храмов административным путем, а центральные власти призывают региональные власти уважать чувства верующих и соблюдать установленное законодательство. Это отразилось в отказах низовым властным структурам в закрытии храмов без подобающего делопроизводства и истинных причин, вернуло некоторые закрытые храмы, осудило произвол «на местах» и ввело за

него ответственность, в том числе и уголовную, дало религиозным объединениям возможность отстаивать свои права. В этот период отменялись даже те ходатайства и постановления низовых властных структур, которые имели ранее беспроигрышный вариант: закрытие храма под школу, ввиду неуплаты религиозными обществами налогов за пользование храмами и т.д. Показательным является так же установленный факт, когда в сложившихся обстоятельствах, при которых многие религиозные объединения не произвели перерегистрацию и, соответственно, должны были по закону быть ликвидированы, власти в лице облисполкома и НКВД отстаивали права последних, предоставляя отсрочки и обвиняя низовые структуры в недостаточной организации процесса. В стремлении соблюдения законодательства, хотя и содержащего в своей основе административный характер отношений к религиозным объединениям, обозначилось два принципа, которые каким-либо образом могли гарантировать религиозным общинам шанс на существование и защиту своих прав: во-первых, расторжение договора с религиозным обществом еще не влечет за собой закрытия храма; во-вторых, закрытие храма не влечет за собой ликвидации религиозного объединения. Представленные в исследовании выводы позволяют более многогранно охарактеризовать антирелигиозную политику государства в ее динамическом развитии, выявить методы и принципы административного характера этой политики, составить представление о масштабах проведенной борьбы.

Список публикаций соискателя

Статьи в журналах, включенных ВАК РФ в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований, и в Общецерковный перечень рецензируемых изданий, в которых должны публиковаться результаты исследований соискателей церковных ученых степеней

1–А. Рябоконт Валерий, иерей. Кампания по закрытию храмов во второй половине 20-х гг. на примере Смоленской губернии / иерей Валерий Рябоконт // Теологический вестник Смоленской Православной Духовной Семинарии. – 2015. – № 1. – С. 55–62 (0,64 авт.л.).

2–А. Рябоконт Валерий, иерей. Особенности антиколокольной политики середины 20-х - начала 30-х гг. XX в. и ее реализация в Смоленске / иерей Валерий Рябоконт // Христианское чтение. – 2015. – № 5. – С. 219–236 (1,15 авт.л.).

3–А. Рябоконт Валерий, протоиерей. Особенности антирелигиозной политики по закрытию храмов на рубеже 1920–1930 гг. (на примере ликвидации монастырей г. Смоленска) / протоиерей Валерий Рябоконт // Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. – 2021. – № 3. – С. 121–141 (1,41 авт.л.).

РЕЗЮМЕ

Рябоконь Валерий Викторович, протоиерей

Смоленская губерния и Западная область в условиях антирелигиозной политики Советского государства (1925 – 1930 гг.)

Ключевые слова: Смоленская губерния, западная область, советская власть, Советское государство, Русская Православная Церковь, закрытие церквей, антирелигиозная пропаганда.

Цель исследования состоит в выявлении содержания и характерных особенностей антирелигиозной политики Советского государства в Смоленской губернии и Западной области во второй половине 20-х гг. XX в.

Методы исследования: общенаучные методы, а также основные методы исторической науки (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-динамический, историко-системный), специальные методы (биографический, источниковедческий анализ, историографический анализ).

Полученные результаты и их новизна. Научная новизна данной диссертационной работы заключается в том, что впервые в исторической науке проведено специальное целостное исследование проблемы трансформации взаимоотношений Советского государства и Православной Церкви на основании региональных материалов (Смоленская губерния и Западная область во второй половине 1920-х гг.). В ходе исследования удалось систематизировать и выделить основные методы государственной политики по закрытию храмов и молитвенных зданий, а также отдельно охарактеризовать пропагандистскую кампанию с позиций экономического и идеологического аспектов. Впервые введен в научный оборот ряд архивных материалов по рассматриваемой проблеме.

SUMMARY

Ryabokon Valery Viktorovich, archpriest

Smolensk province and the Western region in the context of the anti-religious policy of the Soviet state (1925–1930)

Key words: Smolensk province, western region, Soviet power, Soviet state, Russian Orthodox Church, closing of churches, anti-religious propaganda.

Purpose of research consists in identifying the content and characteristic features of the anti-religious policy of the Soviet state in the Smolensk province and the Western region in the second half of the 20s. 20th century based on a comprehensive study of archival materials.

Results received and their novelty. The scientific novelty of this dissertation work lies in the fact that for the first time in historical science a special holistic study of the problem of transforming the relationship between the Soviet state and the Orthodox Church was carried out on the basis of regional materials (Smolensk province and the Western region in the second half of the 1920s). In the course of the study, it was possible to systematize and identify the main methods of state policy for the closure of churches and prayer buildings, as well as separately characterize the propaganda campaign from the standpoint of economic and ideological aspects. For the first time, a number of archival materials on the problem under consideration have been introduced into scientific circulation.